

СМЕРТЬ РИМСКИХ СТАРЕЙШИН В 390 Г. ДО Н. Э.: ИСТОКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ *

В рассказе о Галльском нашествии 390 г. Ливий (V.39.9–40.1) и Плутарх (*Camill.* 21) описывают группу старцев, которые обрекли себя на смерть ради спасения более молодых сограждан, способных оказать сопротивление врагу. Эти старые люди некогда были консулами и справляли триумфы, но в момент нашествия они были уже слишком дряхлыми и больными для борьбы с врагом, и поэтому объявили о своей готовности умереть вместе с родным городом. Надев праздничные одежды и держа знаки бывшего достоинства и почестей, они уселись в курульные кресла у входа в свои дома и стали ждать прихода галлов. Вместе с Великим понтификом они прочли подходящую случаю молитву, в которой обрекали себя смерти за свою родину и народ.

Галлы, проникнув в город, с удивлением и восхищением взирали на этих людей, подобно статуям, восседавших у портиков своих домов, окружавших форум. В торжественности их облика и выражении лиц было нечто не от мира сего, сближающее их с богами. Один из галлов решил дотронуться до бороды Марка Папирия, в ответ на что тот ударил противника своим жезлом из слоновой кости. Рассвирепевший галл выхватил меч и зарубил Папирия, тут же и другие старики были убиты прямо в своих креслах. После их убийства город был подожжен галлами и полностью уничтожен, за исключением Капитолия, где скрывались сенаторы и воины (*militares iuventus*).

Добровольное самопожертвование

Смерть этих стариков часто рассматривается как воспоминание о древнем обычае убийства старых людей, ставших немощными физически и бесполезными для общества. Этот обычай был распространен у многих античных народов, и в недавней книге Тима Паркина собрано множество подтверждающих это примеров¹. У некоторых народов такая практика была нормой жизни, так что подчас племена состояли исключительно из людей крепких телом не старше определенного возраста. Некоторые исследователи предполагают существование такого обычая и в архаическом Риме, где люди старше 60 лет приносились в жертву². Из сообщений Варрона (*L. L.* VII.44) и Дионисия Галикарнас-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на конференции "Aging, Old Age and Death: Passages from Antiquity to the Middle Ages II", Тампере 19–21 августа 2005. Все даты в статье – до н. э.

¹ *Parkin T. G. Old Age in the Roman World. A Cultural and Social History.* Baltimore; London, 2003. P. 259–264.

² *Devoto G. I vecchi e l'uccisione dei vecchi // Scritti minori* 1. Florence, 1958. P. 119–125; *Franciosi G. Clan gentilizio e strutture monogamiche* 1. Napoli, 1978. P. 300–301. Против см.: *Lugli U. La depontazione dei sessagenari // Studi Nonniani.* 1986. № 11. P. 65–66.

ского (*Ant. Rom.* I.38.3) известно, что ежегодно во время Аргейских обрядов 14 мая 27 или 30 соломенных чучел сбрасывали с моста в Тибр. Римляне верили, что эти чучела заменяли приносимых в древние времена в жертву людей старше 60 лет.

Действительно, многие античные авторы утверждают, что люди старше 60 лет сбрасывались с моста в Тибр³. Но с другой стороны, человеческие жертвоприношения были отменены в начальный период римской истории то ли мифическим Геркулесом, то ли легендарным царем Нумой Помпилием, и только в исключительных случаях приносили в жертву иностранцев⁴. Убийство сограждан квалифицировалось как преступление, а родственников – как особо тяжкое преступление (*parricidium*)⁵. Даже во времена ранней монархии известны примеры обвинения за убийство родственников. Так что Ливий имел полное право утверждать, что человеческие жертвы были не римским обычаем (*minime Romano sacro* – XXII.57.6), а Плиний (*Nat. hist.* XXX.4.13) подчеркивать, что освобождение от этих *monstra* было одним из величайших достижений римской цивилизации⁶.

Таким образом, с точки зрения римских авторов, смерть старейшин в 390 г. не могла быть ни обычаем убийства одряхлевших стариков, ни обычным человеческим жертвоприношением ради спасения республики от грозной опасности.

Ливий (V.41.3) передает мнение некоторых своих предшественников, что старейшины решили принести себя в жертву за отечество и сограждан и что сам Великий понтифик произнес над ними посвятельное заклинание (*carmen deuouisse eos*). Эти специальные слова посвящения позволяют предполагать здесь некий архаический обычай. Р. М. Огилви полагает, что старейшины, которых он считает сенаторами, исполняли обряд самопожертвования перед лицом всех богов с помощью Великого понтифика, произносившего *carmen*⁷. У Ливия можно найти описание еще нескольких случаев подобного принесения себя в жертву ради спасения отечества и сограждан. Таковыми были два случая самопожертвования консулов, отца и сына Дециев Мусов, а также всадника Марка Курция (VI.6.1–3; VIII.9.4–8; X.28.16–17). Во всех случаях самопожертвованию предшествует посвятельное обращение к богам, а в случае Деция Муса-младшего – и участие Великого понтифика.

В отличие от единоличной акции этих героев, самопожертвование старейшин было коллективным актом. Известно, что римляне обраща-

³ Подборку текстов античных авторов о сбрасывании 60-летних с моста, см. *Parkin T. G. Op. cit.* P. 265–270.

⁴ См.: *Van Haepelen Fr. Sacrifices humains et mises à mort rituelles a Rome: quelques observations // Folia Electronica Classica.* 2004. № 8. P. 1–25.

⁵ См.: *Clout J. D. Parricidium: From the lex Numa to the lex Pompeia de parricidiis // ZRG.* 1971. № 88. P. 1–66.

⁶ *Ndiaye S. Minime romano sacro, a propos des sacrifices humains a Rome a l'époque républicaine // Dialogues d'histoire ancienne.* 2000. № 26. P. 119–128; cp.: *Parkin T. G. Op. cit.* P. 433. Note 127.

⁷ *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1965. P. 725–726.*

лись к человеческим жертвам в случае особой опасности, угрожавшей республике. Но в жертву приносили лишь иностранцев – двух галлов и двух греков в 228, 216 и 114/113 г.⁸ Поэтому принесение в жертву соотечественников могло быть описано не иначе, как самопожертвование. История Марка Курция показывает, что для получения благословения богов было необходимо принести в жертву некую великую ценность. Такой ценностью могла быть жизнь консула, в случае Дециев, или жизнь воина в расцвете сил, в случае Курция. Что же ценного было в бессильных стариках? Ведь они и обрекли себя на смерть в силу неспособности иным способом помочь своим согражданам. Поздние авторы детально описывали их прежние заслуги, роскошь их одежд и их курульные кресла, вероятно, по той причине, что уже не были способны определить реальную ценность старых людей⁹. Если она действительно существовала, представляется, что она должна была быть связана с главной чертой, которая объединяла всех участников этого самопожертвования – их пожилым возрастом.

Senectus и senioritas

Попробуем задаться вопросом, какого возраста были эти старейшины? Ливий, рассказывая их историю, сопоставляет три возрастные группы – *militaris iuventus*, *senatus* и *turba seniorum*. Иначе говоря, он отделяет старцев от сенаторов и мужчин воинского возраста. Плутарх (*Camill.* 25) добавляет, что с приходом галлов сенат вместе с воинами укрепились на Капитолии. Следовательно, погибшие старики, принесшие свои жизни в жертву, и сенаторы, находившиеся в это время на Капитолии, принадлежали к разным возрастным классам.

Тим Паркин развивает иной подход, согласно которому нет необходимости вести речь о возрастных группах, просто эти *senes* были старше, чем большинство сенаторов. Конечно, в эпоху классической республики старцами считались те, кто в силу физической немощи не мог выполнять общественных обязанностей и, в частности, защищать государство от врагов, тогда как среди сенаторов было много старых, но еще крепких мужчин. Однако проблема по-иному стояла в архаической общине, обычай и правила которой отличались от законов гражданского общества, будь то античное или современное. Декларированная в последнем политическая и экономическая самостоятельность индивида породила хорошо известную с эпохи Просвещения идею «естественного человека», который обладает одними и теми же базовыми чертами в любой культуре и любое время. Наследием этого подхода является распространенное представление, характерное и для книги

⁸ См.: *Fraschetti A.* Le sepolture rituali del foro Boario, in *Le délit religieux dans la cité antique.* Rome, 1981. P. 51–115; *Eckstein A. M.* Human Sacrifice and Fear of Military Disaster in Republican Rome // *AJAH.* 1982. № 7. P. 69–95.

⁹ Эти описания обреченных старцев, по-видимому, сделаны под влиянием обычая хоронить магистратов в их полном одеянии (*toga picta*). Ср.: *Mommsen Th.* *Römische Staatsrecht.* B., 1887. Bd. 1. S. 441. Anm. 2.

Паркина, что биологический возраст равнозначен возрасту социальному, хотя это совпадение характерно только для гражданского общества. В раннем же римском обществе, когда социальные и экономические институты гражданской общины, а также фамилия, находились в процессе формирования, индивид был интегрирован в общество скорее в качестве члена его клана, курии, трибы или возрастного класса, нежели непосредственно как гражданин. Поэтому возраст был среди возможных критериев статусной принадлежности, причем скорее в строго регулируемой форме возрастных классов, чем в биологическом значении.

Римляне обычно считали социально активным возраст до 60 лет, после чего начиналась официальная старость (*nam cum a sexagesimo anno senectus dicatur incipere* – Varro ap. Aug. *De civ. Dei.* 58.2). Эта возрастная граница (*legitima aetas*) была связана с освобождением от исполнения воинской службы и общественных обязанностей (Varro ap. Non. Marcell. 523; Aug. *Quest. Ev.* I.9). Поэтому большинство исследователей полагает, что у римлян старость начиналась после 60 лет¹⁰. Паркин, однако, считает, что греки и римляне никогда не использовали точного определения старого возраста, а 60-летний рубеж был философской спекуляцией Варрона, которую заимствовали и другие авторы¹¹. Против этого говорят остатки системы, приписываемой Сервию Туллию, которые сохранялись в республиканском обществе, так что гражданин начинал выполнять общественные обязанности в 17 и заканчивал в 60 лет¹². Достижение 60 лет было законной причиной получить освобождение от воинской и гражданской службы. Это была граница социального возраста, который Паркин смешивает с возрастом биологическим.

Поэтому знаменитая поговорка “*sexagenarii de ponte*” имела в виду именно 60-летних мужчин, а не 50 или 70-летних. Древние рассматривали поговорку в качестве воспоминания об обычае прежних времен сбрасывать старых людей, достигших 60-летнего возраста, с моста. Неясно было лишь, какой мост имелся в виду – был ли это мост через Тибр, или мостик в комициях, по которому голосующие проходили к своему месту. В первом случае сбрасывание с моста означало убийство 60-летних людей, а во втором – лишение их права голосования в комициях. Однако мостки в комициях появились лишь в конце II в., так что прав Дж. Фрезер, что эта версия является «попыткой благопристойного антиквара спасти достоинство его варварских предков»¹³. Но и сбрасывание с моста в Тибр также должно быть исключено из рассмотрения в силу запрета на убийства и жертвоприношения сограждан. Поэтому исходная идея поговорки “*sexagenarii de ponte*” была явно иной, чем лишение жизни стариков. Это значение было сообщено

¹⁰ См.: *Parkin T. G. Op. cit.* P. 312. Note 4.

¹¹ *Ibid.* P. 16 и 26.

¹² Ср.: *McAlindon D. The Senator's Retiring Age: 65 or 60? // CR.* 1957. № 7. P. 108.

¹³ *Frazer J. G. Ovid. Fasti. L., 1929. Book IV.81; Cp.: Parkin T. G. Op. cit.* P. 435. Note 142.

пословице республиканскими авторами, возможно, по аналогии с их знаниями о убийстве старых людей у других народов. В Аргейских священнодействиях не было ничего такого, что позволило бы ассоциировать сбрасываемые с моста соломенные куклы со старыми людьми. Лишь идея моста объединяет пословицу и Аргейский ритуал.

Таким образом, римские старцы, обрекшие себя на смерть в 390 г., скорее всего, были старше 60 лет и поэтому уже не участвовали в общественных делах. По этой причине они не могли принадлежать к числу сенаторов (*Sen. De brev. vitae. XX.5*). Их более молодые соотечественники, которых они стремились спасти своей смертью, очевидно, были людьми двух возрастных классов – *iuniores* и *seniores*. *Iuniores* были мужчинами 17–45 лет, возраст которых налагал на них обязанность активного участия в военном деле. Поэтому Ливий назвал их *militaris iuventus*. Напротив, *seniores* были мужчинами от 46 до 60 лет, которые по возрасту уже были освобождены от активной воинской службы. Эти люди, видимо, играли главную роль в управлении римской общиной, и некоторые авторы предполагают, что именно они должны были быть сенаторами (*Serv. Aen. VIII.105; Justin. XIII.3; Fest. 454 L: senatores*). Их официальный титул – *patres senatores* – по-видимому, означал, что они были в положении «отцов» по отношению к *iuniores*. Но это положение не было связано с их индивидуальной ролью родителей, а скорее сенаторы рассматривались как своего рода коллективные «отцы»¹⁴.

Различие между стариками (*seneces*) и сенаторами (*seniores*) в рассматриваемой истории показывает, что старики, которые уже не были в числе сенаторов, не могли претендовать на титул коллективных *patres*. В то же время ясно, что все обрекшие себя на смерть старики были знатными *patres familiarum*. Качественное различие между терминами *patres conscripti* и *patres familiarum* обычно не привлекает особого внимания. *Patres conscripti* были сенаторами, тогда как *pater familiae* был термином индивидуального родства, который обозначал самых старших мужчин в семье. В этом смысле старики были самой большой ценностью римского общества, во-первых, поскольку только они были собственниками в своих фамилиях (*personae sui iuris*), а во-вторых, обладая *patria potestas*, они были господами по отношению к своим более молодым родственникам.

Но с точки зрения их положения в публичном праве, в них не было никакой ценности, поскольку их участие в общественной жизни уже завершилось. Проходя возрастной рубеж 60 лет, они оставляли свой публичный титул сенаторов (*patres conscripti*) следующему поколению, хотя продолжали сохранять статус *patres familiarum*. Это типичная коллизия прав в архаическом обществе между принципами групповой

¹⁴ Древнее слово **patrios* скорее имело классификационное значение, чем обозначало отца как физическое лицо. См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 147–151.

принадлежности к возрастным классам и принципами индивидуального родства. В модифицированном виде она сохранялась вплоть до эпохи Августа. Одним из проявлений этой коллизии является история, рассказанная Фестом (452 L), о юноше, спасшем жизнь своего старика-отца как раз в скором времени после галльского нашествия. Согласно его рассказу, из-за нехватки продовольствия людей старше 60 лет стали сбрасывать в Тибр. Один из них, спрятанный своим сыном в месте под названием «Аргея», подавал через него государству ценные советы. Когда дело раскрылось, молодой человек был прощен, а 60-летние получили право на жизнь.

Согласно этой версии, получается, что римляне убивали своих стариков еще в 380-х гг.. Но ведь жертвоприношения стариков, как и человеческие жертвоприношения вообще, совершались обществами, более архаичными, чем римское в рассматриваемый период. Фест скорее стремился этим рассказом объяснить возникновение все той же поговорки о 60-летних. Тем не менее, настойчивое стремление римских авторов связать смерть стариков, сбрасывание с моста во время Аргей и Галльское нашествие требуют объяснения. При этом следует иметь в виду, что так называемые архаические общества имели не более простую, а скорее иную организацию, чем государства. В архаических обществах существовали иные критерии принадлежности к социальным группам, чем, например, в гражданском. Они могут быть определены как «естественные» – принадлежность к генеалогическому линиджу (род) и к территориальной общине (триба), и как «социальные» – принадлежность к возрастному классу и ритуальной общине (*curia*). Возрастные классы обычно выпадают из рассмотрения исследователей в силу распространенного представления, что курии были подразделениями триб, а роды – подразделениями курий (*tribus* = 10 *curiae* = 100 *gentes*). Фактически же римский род не мог быть *gens*, поскольку *gentes* были линиджами до седьмой степени родства, тогда как родовая принадлежность не ограничивалась искусственно. Также и *curia* была скорее мужским союзом (*Männerbund*), чем ассоциацией неродственных *gentes* или родов; к тому же курии не были частями только трех первых триб Рамны, Тиции и Луцеры, а все 30 курий имели собственные подразделения в каждой трибе.

В раннем римском обществе курия была главной структурной единицей. Каждая курия включала 30-ю часть римских граждан. Авторитетное мнение Пауля Кречмера (о курии от *co-viria* – союз мужчин [*virii*]) продолжает доминировать в современной науке¹⁵. Нет сведений, что курия структурно делилась на фамилии или роды, но она всегда выступает как объединение мужчин вообще – мужчины участвовали в куриатных комициях (*comitia curiata*) и они же получали надел земли от государства (*viritim*)¹⁶. Глава курии (*curio*) и ее жрецы выбирались из

¹⁵ Kretschmer P. Lateinische quirites und quiritare // Glotta. 1920. № 10. P. 145–157.

¹⁶ В тексте Лелия Феликса у Gell. XV.27 (*Cum ex generibus hominum suffragium feratur, "curiata" comitia esse* = когда голосование производится по поколениям людей,

числа наиболее авторитетных, опытных мужчин зрелого возраста не моложе 50 лет (Dion. Hal. Ant. Rom. II.21.2–3). Последнее обстоятельство может рассматриваться как реминисценция древнего возрастного класса.

На этой основе трудно согласиться с мнением Паркина, что не существовало латинского термина для обозначения мужчин «среднего возраста»¹⁷. Таким термином был *vir*. Слова *iuniores* и *seniores* были первоначально лишь определениями к термину *viri*. Попробуем кратко рассмотреть развитие римских возрастных градаций на основе этой терминологии. Среди возрастных терминов римлян очевидны две бинарные оппозиции: 1) *iuvenes* – *senecae* и 2) *iuniores viri* – *seniores viri* – которые, по-видимому, демонстрируют две стадии в развитии возрастного деления. Различие между *iuvenes* 17–45 лет и *senecae* делает очевидным, что когда-то «старость» (*senectus*) начиналась по достижении 45 лет. В пользу этого заключения имеется два прочных аргумента. Цицерон (*De senect.* XVII.60) вкладывает в уста Катона слова, что «в старое время говорилось, что старость начинается с 46-летнего возраста». Также Авл Геллий (X.28.1) сохранил упоминание об определении стариком (*senex*) мужчины со второй половины своего пятого десятка, т. е. с 46 лет.

В свою очередь различие между *iuniores viri* 17–45 лет и *seniores viri* 46–60 лет показывает, что начало возраста *senectus* было перенесено с 45 на 60 лет. Римская историческая традиция связывает эту акцию с реформой Сервия Туллия, традиционное отнесение которой к середине VI в. давно оспаривается в пользу конца V или начала IV в.¹⁸ Во всяком случае, оба эти периода – этрусского господства в VI в. и римских завоеваний в IV в. – были сходным временем больших преобразований в социальной и политической жизни. Позднее возникновение римской историографии в конце III в. заставляет исследователей предполагать перенесение многих черт римского общества IV в., сохранившихся лишь в устной традиции, на историю VI в.

Кажется закономерным вывод, что латинский термин *senes*, *senecae* использовался в определении сената во времена, когда существовала только оппозиция *iuvenes* – *senecae*, а сенаторами были мужчины после 45 лет. После Сервиевой реформы 46–60-летние мужчины перестали считаться *senecae*, но сохранили за собой прежнюю роль сенаторов. Однако этим был сделан первый шаг к реформированию древней возрастной системы, который нарушил ее самовоспроизводство. Так что потребовался следующий шаг, и он был сделан в IV в. Но-

комиции называются куриатными) исследователи обычно *genera hominum* производят от *gentes*, исходя из подобия *genus* и *gens*. См.: Palmer R. E. A. The Archaic Community of the Romans. Cambr., 1970. P. 72–74; Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plébéien. Rome, 1978. P. 197–199.

¹⁷ Parkin T.G. Op. cit. P. 318. Note 47.

¹⁸ Обсуждение проблемы см.: Thomsen R. King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, 1980. P. 144–211.

вая пролонгация срока социальной жизни за пределы 60-летнего рубежа вызвала к жизни разговоры о термине *sexagenarii*.

В пословице "*sexagenarii de ponte*" слово *de ponte* означало спасение жизни, поскольку переход через мост имел значение «отправки в иной мир» или смерть. После окончания социальной жизни старые люди вступали на этот символический мост и находились на нем до своей физической смерти. Такой подход следует из давней работы Ролана Кента, который с помощью ведического *panthah* – «путь к богам» или «путь в иной мир» открыл индоевропейские корни латинского *pons*¹⁹. Толкование как сбрасывание с моста через Тибр возникло в эпоху республики, когда архаические истоки пословицы были забыты. В 60 лет человек вступал на мистический мост между жизнью и смертью, а фактически между социальной жизнью и биологической смертью, и находился на нем до конца своей жизни. Выражение "*sexagenarii de ponte*" означало, что необходимость вступать на этот мистический мост отменялась и старые люди могли продолжать свою социальную жизнь. Конечно, 60-летний возраст по-прежнему оставался важным поворотным пунктом в жизни, но теперь старики больше не исключались из социальной сферы абсолютно. Закон освобождал их от общественных обязанностей, но не принуждал, при желании сохранить, сложить их с себя.

Другой вывод касается причины изменения возраста *senectus*. Высокий статус старых людей был произведен от возрастания роли *familia* как социальной ячейки римского общества в V–IV вв. Обычно считается, что *familia* и *gens* были его изначальными структурными единицами, но это не так. С начала Рима родовая структура агнатических линиджей определялась отношениями между старшим потомком основателя рода (*pater*), его младшими и боковыми родичами (*patricii*) и подчиненными ему лицами, находившимися в роду на положении квази-родственников (*clientes*)²⁰. Такой род представлял население одной курии в одной трибе, так что родовой *pater* в то же время был и главой куриального подразделения трибы, представляя ее в сенате. До начала республики не существовало иных плебеев, кроме родовых клиентов. Когда вторые децемвиры включили в XII Таблиц запрет браков между патрициями и плебями, этот закон лишь фиксирован правило древней родовой экзогамии²¹. Патриции и плебеи/клиенты принадлежали к одному роду и потому считались сородичами.

¹⁹ Kent R. J. The Vedic Paths of the Gods and the Roman Pontifex // CPh. 1913. № 8. P. 317–326. См. также: Hallett J. D. "Over Troubled Waters": Meaning of the Title *pontifex* // TAPhA. 1970. № 101. P. 219–227; Van Haepelen Fr. Le collège pontifical (3ème s. a. C. – 4ème s. p. C.). Bruxelles; Rome, 2002. P. 27–45.

²⁰ О подобии статуса клиентов и детей, см.: Цымбурский В. А. Заметки по этрусскому языку и культуре // Этруски и Средиземноморье. Под ред. А. И. Акимовой. М., 1994. С. 22–28.

²¹ В настоящее время преобладает мнение И. Линдерски, согласно которому децемвиры запретили не браки вообще, а браки посредством *confarreatio*. См.: Linderski E. Religious Aspects of the Conflict of the Orders: The Case of *confarreatio* // Social Struggles in

Два обстоятельства, однако, могут помешать принять такую трактовку: запрет браков рассматривается в источниках как нововведение коллегии децемвиров (*inhumanissima lex*) и он касался скорее браков с *patres*, чем с патрициями вообще (Liv. IV.4.5; Cic. *De rep.* II.37.63). Но эти препятствия легко устранимы. Идея инновации показывает, что во времена XII Таблиц произошло важное изменение в родовой структуре: роды разделились на более мелкие линиджи (*gentes*), так что появилось много новых *patres gentium*, которые были потомками родовых *patres*, и одновременно родовые клиенты стали независимыми плебеями. Этот революционный акт, однако, не сопровождался изменением экзогамного принципа, так что децемвиры были вынуждены сохранить прежний запрет на браки между сородичами – между семьями новых *patres* и новыми плебеями.

Поэтому *rogatio Canuleia* 445 г. скорее разрешил браки внутри рода, между *gentiles*-патрициями и *clientes*-плебеями, чем ввел *conubium* между двумя разными сословиями. Появление патрициев и плебеев в качестве субъектов частного права показывает, что прежняя родовая структура уступила место новому патрицианско-плебейскому дуализму. Фактически закон Канулея означал перенос экзогамного барьера: с этого времени вместо прежнего рода экзогамной группой стал линидж до седьмой степени агнатического родства (*gens*). Экзогамия была ограничена рубежом шестой-седьмой степени родства, и прежние сородичи оказались в разных *gentes*. Закон допускал браки между прежними родственниками, то есть членами патрицианских *gentes*, происходивших из одного рода, и вместе с тем браки между патрициями и их прежними квази-родственниками, клиентами, ставшими плебеями.

Выделение малых линиджей из родов дало импульс оформлению правил агнатического родства. Законы XII таблиц утвердили линейный порядок наследования имущества по мужской линии, выделив три основных вида наследников – членов *familia*, ближайших агнатов и *gentiles*. Группа малых семей (*familia*), состоявшая из семьи старшего мужчины и семей его сыновей, становится самой главной ячейкой агнатического родства и единственной группой, которая аккумулировала собственность.

В предшествующий период мельчайшей родственной группой была малая семья, глава которой имел власть над своей женой, неженатыми детьми и собственностью, и эта власть (*manus*) отличалась от более поздней *patria potestas*²². Через своих глав, мужчин, малые семьи входили в обе структуры – родовую, на основе агнатического родства,

Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders. Ed. by K. A. Raaflaub. Berkeley, 1986. P. 244–261.

²² Сравнение *potestas* и *manus* см.: Watson A. Rome of the XII Tables: Persons and Property. Princeton; London, 1975. P. 47–51, ср.: *ibid.* P. 9–19, 40–46. Сходство *manus* с таким важными понятиями юридической лексики, как *mancipium*, *mancipatio*, *emancipatio*, *manumissio* привело Ватсона к заключению (p. 50), что некогда понятие *manus* использовалось гораздо шире, чем в классическую эпоху, и означало власть над вещами, потомством и рабами.

которую возглавляли старшие сородичи (*patres*), и куриатную, как корпорацию мужчин, которую возглавляли те же *patres*. Так что глава обычной малой семьи в ту пору не мог претендовать на титул *pater*. После закона Канулея потомки «отцов» стали патрициями, а обычные члены курий – плебеями.

Законы Лициния–Секстия, установившие земельный максимум для одной фамилии, с одной стороны, не делали различия между патрициями и плебеями, а с другой, заменили древний принцип наделения «по мужам» (*virum*) на наделение «по фамилиям» или точнее «на *pater familias*». Согласно традиционной хронологии, фамилия стала важнейшей социальной и экономической ячейкой римского общества в период с 450 по 367 г. А ее глава – *pater familias* – становится главной фигурой в области частного права и экономической жизни. Гай (*Instit.* I.55) отмечал, что *patria potestas* является особенностью римского права, отличавшей римлян от других народов. Описывая отцовскую власть, Дионисий Галикарнасский (II.26.4) относил ее создание ко времени Ромула, но, вероятнее, она сложилась в период формирования гражданского общества.

В контексте этих перемен, происходивших в V – начале IV вв., гентильные старейшины (*pricipes gentium*) и «отцы семейств» (*patres familiarum*), то есть самые старшие по возрасту мужчины, становятся главными действующими лицами римской общественной жизни. Одновременно куриатные комиции, в которых доминировали принципы мужских союзов и возрастных классов, уступают место центуриатным и трибутным. Так что прежний сенат, аккумулировавший в себя представителей старшего возрастного класса (45–60 лет) и представлявший курии, оказывается в социальном вакууме. Требовался новый принцип его формирования, который, вероятно, был введен законом Овиния.

Фест (290 L), единственный источник, сообщающий об этом законе, отмечает, что «прежние сенаторы не испытывали бесчестия», когда цари, а потом магистраты меняли одних сенаторов на других, а после принятия этого закона сенаторам, не включенным в новый список сената, стыдно оказаться недостойными своего места: «В старину покидавшие свой пост сенаторы не испытывали позора, поскольку цари имели обыкновение выбирать тех, которые у них будут состоять в общественном совете, как и назначать им замену, в собственных интересах, и после того, как цари были изгнаны, также консулы и военные трибуны с консульской властью обычно выбирали себе (в помощь) всех своих самых близких друзей из патрициев, а затем и из плебеев; пока не вмешался трибунский закон Овиния, которым было установлено, что цензоры должны записывать в сенат всех лучших людей из всего *ordo* по куриям [вариант: будучи связаны присягой]. Таким образом, установилось положение, что те, кто были исключены и покинули свое место (в сенате), стали считаться опозоренными»²³.

²³ *praeteriti senatores quondam in opprobrio non erant, quod ut reges sibi legebant, sublegebantque, quos in consilio publico haberent, ita post exactos eos consules quoque et tribuni*

Однако, что изменилось в процедуре избрания сенаторов? Согласно Фесту, прежде царь и магистраты выбирали по своему усмотрению «преданных себе» (*coniunctissimos sibi*), а затем цензоры стали записывать в сенат «лучших» (*ex omni ordine optimum*). Если следовать тексту Феста буквально, то после изгнания царей консулы и консулярные трибуны руководствовались при выборе сенаторов личными пристрастиями, так что сенат должен был ежегодно менять свой состав, что, конечно, невероятно²⁴. Скорее авторы этого текста – Фест и Веррий Флакк – имели в виду то традиционное представление, сохранившееся у Ливия, Дионисия, Цицерона и других авторов, согласно которому Ромул, Тарквиний и первые консулы – Брут и Валерий – включали в состав сената большие группы своих сторонников.

Закон Овиния впервые наделил цензоров правом отбирать новых членов сената. Согласно Фесту, закон предписывал цензорам выбирать сенаторов *ex omni ordine optimum quemque*. Точно значение этой формулировки неясно. Фраза *optimus quisque* обычно использовалась для обозначения лучших людей или аристократии, а *ex omni ordine* значит скорее «из всего *ordo*», то есть из знатных людей без различия их патрицианского или плебейского происхождения, чем «из каждого ранга» магистратов, как часто принимается²⁵. Фрэнсис Райан убедительно показал, что слово *ordo* в данном тексте могло означать принадлежность к политической организации центурий²⁶. В центуриатной системе Сервия Туллия это означало принадлежность к кругу военнообязанных мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. «Лучшие» (*optimus quisque*) в этом *ordo* – это, конечно, не 17–25-летняя молодежь, а мужчины, которые уже исполняли государственные должности; если, следуя Полибию (VI.19.4), для II в. минимальным возрастом сенатора можно считать 27 лет, то для IV в. этот возраст мог быть старше.

Согласно Райану, лучшим аргументом в пользу оригинального чтения *curiati* > *curiatim* в тексте Феста, по сравнению с часто принимаемой конъектурой *iurati*, являются цифры²⁷. Число 300 сенаторов, очевидно, определялось 30 куриями: римляне не установили бы численности сената в 300 членов, если бы они не считали, что каждая ку-

militum consulari potestate coniunctissimos sibi quosque patriciorum, et deinde plebeiorum legabant; donec Ovinia (rogatio) tribunicia intervenit, qua sanctum est, ut censores ex omni ordine optimum quemque curiati<m> [var.: iurati] in senatum legerent. Quo factum est, ut qui praeteriti essent et loco moti, haberentur ignominiosi (Fest. 290 L).

²⁴ Следуя буквальному пониманию текста Феста, Тим Корнелл полагает, что цари и ранние магистраты имели полную свободу в комплектовании сената. Фактически это возрождает старую гипотезу Ю. Рубино, по которой сенат был совещательным советом при царе, а не руководящим органом римской общины. См.: Cornell T. J. The "Lex Ovinia" and the Emancipation of the Senate // Roman Middle Republic. Politics, Religion, and Historiography с. 400–133 В. С. / Ed. by Chr. Bruun. Rome, 2000. P. 73–75.

²⁵ См.: Cornell T. J. Op. cit. P. 80–81, 83.

²⁶ Ryan F. X. Rank and Participation in the Republican Senate. Stuttgart, 1998. P. 147–148.

²⁷ О замене *curiati* на *curiatim* или *iurati* см.: Ryan F. X. Op. cit. P. 143–155, предшествующая литература: ibid. P. 153. Note 112; Cornell T. J. Op. cit. P. 83–85, литература: note 62.

рия должна в равной степени быть представлена в сенате²⁸. Поэтому *curiati* в тексте Феста означает «по куриям» в смысле «от каждой курии поровну». Этот акцент был важным в законе Овиния в момент замены прежних куриатных структур новыми трибальными, когда членство в сенате определялось на основе принадлежности и к трибе, и к курии. Курии оставались важной структурой еще некоторое время после Овиниева закона, и молчание источников указывает лишь на то, что этот принцип равного представительства со временем стал ненужным.

Курии были ведущей структурой римского общества до закона Овиния, и сенаторы являлись их представителями при царе. Общество царского Рима до так называемой Сервиевой реформы было представлено 30-ю куриями и тремя трибами. Дионисий (II.12.1–2) представляет схему комплектования сената, согласно которой курии каждой трибы выставляли по своему представителю, что в совокупности давало 90 сенаторов. Одного сенатора назначал царь и девять выбирались трибами, – так что царский сенат состоял из 100 человек ($3 \times 30 + 3 \times 3 + 1 = 100$). Обычно этот расчет считается искусственной конструкцией какого-нибудь антиквара²⁹. Однако Дионисий мог описать и некий реальный порядок, вышедший из употребления в эпоху классической республики. Ориентация числа сенаторов на троичность указывает, что они рассматривались как представители 30 курий. Если каждая курия посылала в сенат одного представителя, то от трех триб набиралось 90 сенаторов. В качестве «выбранных трибами» выглядят представители всаднических центурий, по три от каждой трибы. Таким образом, численность сената в 100 человек применима к эпохе трех триб. В римской традиции три первоначальные трибы приписываются Ромулу, поэтому и учреждение такого сената Дионисий приписывает мифическому основателю Вечного города.

Однако такая конструкция соответствовала скорее VI–V вв. Согласно традиции, еще в 443 г. выбирались три консулярных трибуна, в которых можно видеть глав трех первоначальных триб. Число консулярных трибунов и, следовательно, число триб увеличилось до четырех в 426 г., а затем до шести в 406 г. Рост числа триб был главной причиной изменения порядка, объединявшего институты курий и триб, принадлежавшие к разным социальным системам. После того, как четыре новые трибы были учреждены на территории Вей после галльского нашествия в 387 г., римское государство оказалось перед жизненно необходимой задачей уравновесить архаическую систему 30 курий и новую систему 10 триб³⁰. Традиционно граждане были членами курий

²⁸ Ryan F. X. Op. cit. P. 152–153.

²⁹ См.: Cornell T. J. Op. cit. P. 70.

³⁰ Этот расчет основан на предположении, что так называемые сельские трибы, создание которых приписывается Сервию Тулию, были учреждены не ранее середины IV в. О проблеме ранних римских триб см.: Thomsen R. Op. cit. P. 115–143; Cels Saint-Hilaire J. La république des tribus. Du droit de vote et de ses enjeux aux débuts de la

и триб, так что в каждой трибе были собственные подразделения 30 курий. Общественный раскол 378–367 гг., по-видимому, был временем, когда численность сената достигла 300 членов, которые являлись представителями 10 триб и 30 курий (10 x 30)³¹. Последующий рост числа триб вел к разрушению всей системы и требовал реформы комплектования сената, которая должна была отменить положение сенатора как представителя куриатного подразделения трибы³². Эта реформа, после которой сенаторы стали на путь превращения в представителей всей гражданской общины в целом, как представляется, была проведена законом Овиния³³.

Возрастной принцип формирования сената объясняет, почему некогда сенаторам не было стыдно покидать свое место в царском совете. Они выбирались в сенат после 45 лет и выбывали из сената автоматически по достижении 60 лет. Их уход не зависел от их личных качеств и потому не налагал пятна позора. Им на смену приходил не случайно избранный по усмотрению царя заместитель, как часто считается, а представитель их собственной курии и трибы, принадлежавший к следующему возрастному классу. Вероятно, курия, а, точнее, ее подразделение в трибе само выбирало своего кандидата в сенат. Так что это был реальный глава курии, ее «отец», и решения куриатных комиций нуждались в одобрении таких «отцов»³⁴. Царь, а затем высшие магистраты только утверждали выбор курии; слова Феста, предполагающие свободу царя и магистратов в выборе сенаторов по своему усмотрению, не делают последнее фактом раннеримской истории, как, например, полагает Тим Корнелл. Ведь источник Феста вряд ли был способен воспроизвести идеи старше III–II в. Поэтому кажется более убедительной позиция Т. Моммзена и П. Виллемса, которые видели в архаическом сенате постоянный орган с фиксированным членством, однако при этом цари и ранние консулы (преторы) вряд ли были полностью свободны назначать своих сторонников на место выбывших сенаторов. Социальная система архаической эпохи обычно оставляла

République romaine (495–300 av. J.-C.). Toulouse; Le Mirail, 1995. Там же и более ранняя литература.

³¹ Согласно традиции, декурии сенаторов функционировали во время интеррегнума (см.: Liv. I.17.5–6; Dion. Hal. II.57), что, с нашей точки зрения, выглядит экстраполяцией в царский период положения IV в.

³² Некоторые черты ранних куриатных *patres*, по-видимому, сохранили *curiones*, обладавшие сакральными полномочиями. Поэтому не столь уж безнадежна гипотеза о жреческом составе раннего сената, см.: Mitchell R. E. *Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State*. Ithaca; London, 1990. P. 64–130; Forsythe G. *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley, 2005. P. 167–170.

³³ Т. Корнелл датирует закон Овиния 339–334 гг. в одном ряду с *leges Genuciae* и *Publiliae* 342 и 339 гг., которые существенно изменили римское государственное устройство. См.: Cornell T. J. *Op. cit.* P. 75–79. Однако события, помещаемые традицией в 378–367 гг., имели не меньшее значение для римской республики.

³⁴ См.: Magdelain A. "Auspicia ad patres redeunt" // *Hommages à J. Bayet*. Bruxelles, 1964. P. 427–473; *i dem.* *Ius imperium auctoritas. Études de droit romain*. Rome, 1990. P. 341–383; Giovannini A. *Auctoritas partum* // *MH*. 1985. № 42. P. 28–36; Linderski J. *The Aurgal Law* // *ANRW*. 1986. 2.16.3. P. 2146–2312.

минимум свободы должностным лицам, так что почти вся внутренняя активность магистратов имела скорее ритуальный, чем политический характер (свобода поступков начиналась за пределами общины, в военной сфере).

Таким образом, заявленная выше коллизия была разрешена в пользу линейного родства в агнатической форме, которое стало основой для социальной структуры республиканского общества последующего времени. Кажется очевидным, что до определенного исторического момента, с которым в римской традиции связано галльское нашествие, индивидуальное родство играло подчиненную социальную роль в структуре, основанной на возрастных классах. В противовес общему мнению, агнатическое родство, при том, что оно существовало с очень древнего времени, стало господствующим социальным принципом сравнительно поздно.

Представление и его мифологическая основа

Р. М. Огииви отмечает, что в описании вторжения галлов в Рим заметно влияние последствий битвы при Каннах, а также моделирование сюжета по образцу рассказов Геродота (VIII.35–39) о вторжении персов в Дельфы и захвате ими Афин³⁵. В частности, убийство римских старейшин напоминает гибель афинян, укрывшихся на Акрополе. В таком случае возникает вопрос, кто и когда использовал афинский образец для записи этой истории?

С другой стороны, в этом описании можно различить явные черты тщательно подготовленного, красочного ритуала. Старцы, которые играли роль жертв, были одеты в великолепные одежды и сидели в креслах из слоновой кости, как если бы они ожидали отправления в далекий путь. Великий понтифик обратился к богам с соответствующей случаю молитвой, и боги выразили готовность принять жертву. Вопрос был только в том, кто станет главным исполнителем ритуала, кто принесет жертву. Кажется очевидным, что эта роль была возложена на галлов, хотя они и не догадывались о том. Взмах жезла Папирия, направленный в галла, тронувшего его за бороду, был сигналом к началу жертвоприношения. Мечи, выхваченные галлами, в данном случае были не только орудием убийства, но играли роль инструмента исполнения ритуала. Нескольким быстрым взмахам, и старцы оказались лежащими в лужах крови. Их души отпраздничали в ином мире, заставляя предполагать, что именно туда они и стремились.

Эта сцена, полная драматической экспрессии и трагизма, кажется более подходящей театральной трагедии, чем реальной истории. К тому же исполнение этой трагедии происходило под склонами Капитолийского холма, с которых на нее взирали сородичи гибнущих старцев. Форум был обычным местом жертвоприношений, где римляне в момент серьезной опасности приносили в жертву представителей галлов

³⁵ *Ogilvie R. M. Op. cit. P. 720.*

и греков. Но в данном случае галлы приносили в жертву римлян – так и кажется, что это происходило потому, что республиканский автор не мог описать жертвоприношение старейшин своими собственными согражданами, а особенно родственниками, даже если и верил, что оно совершалось в древние времена. К сожалению, мы не знаем, была ли история написана автором III–II вв. или она исполнялась на Сценических Играх уже в IV в.

Цель описанного ритуала можно предположить по аналогии с событием, описанным Ливием (V.21.8) при захвате этрусского города Вейи в 396 г. Тогда было предсказание оракула, что победителем в войне станет тот, кто сумеет завершить жертвоприношение, подготовленное этрусскими жрецами. Римские воины, совершив подкоп, прямо с жертвенника похитили жертвенное животное, уже освященное этрусками, и обеспечили своему командиру М. Фурию Камиллу возможность завершить жертвоприношение. Тем самым они обрели благословение богов и победу над Вейями. Та же логика присутствует и в истории с галлами. С целью спасти Рим было задумано грандиозное жертвоприношение, для которого была выбрана группа старцев с петицией к богам. Сами они не были способны покончить с собой в силу физической немощи, а римляне не могли запятнать себя убийством собственных родителей. Тогда роль исполнителей ритуала была отдана галлам. Убив римских старейшин, галлы, сами того не желая, обеспечили победу своим противникам.

Вся конструкция выглядит явно заимствованной из греческой трагедии. Физическая слабость старцев была обращена в ее противоположность и стала их силой, которая обеспечила спасение Города. Жители Рима должны были испытывать вечную благодарность этим старцам, ценой своих жизней обеспечивших само их существование. История, видимо, была написана с целью прославления старых людей и тем самым повышения их престижа в римском обществе. Последнее могло быть связано с актуализацией идеи пролонгации социальной жизни за пределы 60-летнего возраста, которая выражалась поговоркой “*sexagenarii de ponte*”.

Но была также и другая идея, которая подпитывала эту историю. Римские старцы не были обычными жертвами; согласно сюжету, они имели задачей проникнуть в иной мир и получить там благословение богов с тем, чтобы обеспечить возрождение Рима после галльского пожара. Последний не случайно датирован 390 г., это было время окончания так называемого Великого года (*annus annorum*) от основания Рима³⁶. Согласно древней мифологической идее, Великий год был циклом (360 или 364 года), с окончанием которого вселенная также закан-

³⁶ Об *annus annorum* см.: Laroche R. A. Early Roman Chronology: Its Schematic Nature // Studies in Latin Literature and Roman History 3. Bruxelles, 1983. P. 9–12; Piérart M. Les dates de la chute de Troie et la fondation de Rome: comput par génération ou compte à rebours? // Historia testis. Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne et de philologie offerts à T. Zawadzki. Éd. par M. Piérart et O. Curty. Fribourg, 1989. P. 10.

чивает свое существование и обновляется в Мировом пожаре³⁷. Ливий использовал «Варронову» хронологию с 753 г. для основания Рима, так что в 390 г. как раз завершался первый цикл Великого года³⁸. Исторический галльский пожар выглядит профанной версией мифического мирового пожара. Город погибал то ли в огне мирового пожара, то ли от рук галлов – результат был один. Но он должен был возродиться вновь. Это был важный момент для римской общины, поэтому почти все жрецы приняли участие в обращении к богам вместе со старейшинами. Лишь фламин Квирина и девы-весталки остались в живых, будучи приглашены в Цере жителями этого города. Они были необходимы для последующего ритуала возрождения вселенной и римской общины. Девы Весты были ответственны за возжигание нового огня, а фламин Квирина, будучи инкарнацией Ромула, исполнял роль нового основателя. Поэтому в исторической традиции галльское нашествие ассоциируется с мифом второго основания Рима.

В первой части ритуала главная роль принадлежала великому понтифику, молитва которого не случайно устанавливала связь между людьми и богами, римской общиной и иным миром. Понтифики были особыми жрецами всех богов в целом (Cic. *De leg.* II.20; 47–53, *Nat. deor.* I.122)³⁹. Одна из этимологий производит их название – *pontifices* – от слова *pons* «мост»: слово *pontifex* означало «строитель моста» (из *pons facere*)⁴⁰. Популярное объяснение помещало место заседаний коллегии понтификов поблизости от древнейшего Свайного моста через Тибр, так что понтифики как будто были ответственны за поддержание этого моста в порядке (Varro. *L.L.* V.83; Dion. Hal. II.73.1; Plut. *Numa.* IX.2; Serv. *Ad Aen.* II.166; Zosim. IV.36). Этот *pons sublicius*, сделанный без применения металла, был сакральным объектом, так что можно предположить, что римляне видели в нем воплощение того моста, который вел в иной мир. Тем более, что Свайный мост связывал Рим с чужой, этрусской, территорией, которая могла рассматриваться как аналог иного мира. Понтифики были единственными жрецами, которые знали и поддерживали путь в этот мир через мистический виадук. Поэтому они и квалифицировались как «строители моста» или, иначе говоря, жрецы-посредники между римской общиной и богами. В момент окончания Великого года, а с ним и гибели вселенной, они вели старцев по мосту, ведущему к богам за их благословением для грядущих поколений.

³⁷ См.: *De Casanove O. La détermination chronographique de la durée de la période royale à Rome. Critique des hypothèses des Modernes // La Rome des premiers siècles : légende et histoire: actes de la Table ronde en l'honneur de Massimo Pallottino. Firenze, 1992. P. 74–75.*

³⁸ Полибий (I.6.1), считавший годом основания Рима 750 г., датировал галльское нашествие 387 или 386 г., одновременно с Антакидовым миром и победой Дионисия I в битве у Регия (750 – 364 = 386).

³⁹ См.: *Van Haepereen Fr. Op. cit. P. 67–77.*

⁴⁰ *Ibid. P. 27–45.*

Символично, что рассказанная Фестом история спасения старика-отца юношей-сыном ассоциировала сбрасывание старых людей с моста через Тибр с эпохой галльского нашествия. В этой истории идея моста обыгрывается средствами, более доступными пониманию римскими гражданами поздней республики, тогда как в истории самопожертвования старейшин просматриваются черты более древнего мировоззрения. Она либо была создана ранее, либо возникла в жреческой среде, лучше воспринимавшей переосмысление древних ритуалов. Жертвоприношение старцев символизировало смерть ушедших поколений вместе со старым отжившим миром. Предполагалось, что после галльского нашествия начиналась новая эпоха римской истории, с новыми общественными нормами и институтами. Главные герои новой эпохи – пожилые мужчины, исполнявшие роль *patres familiarum* – были представлены в истории как спасители Рима, которые пожертвовали собой ради того, чтобы город и его жители могли продолжать свою жизнь. Принеся себя в жертву, они остались в прежней эпохе и поэтому ассоциировались с мистическими предками, обладавшими непревзойденными достоинствами (*mores maiorum*). Добровольное самопожертвование, описанное в брутальном аспекте с помощью галльских мечей, должно было пробудить чувства зрителей и сообщить им уважение к собственным родителям.

Эта легендарная история пожертвовавших собой старцев, видимо, отражала споры о социальной роли старого возраста в обществе Средней республики. Она выглядит инструментом поддержания престижа старших мужчин в обществе, которые возглавляли знатные фамилии. Их социальная роль базировалась на распоряжении фамильной собственностью и контроле над младшими родственниками и фамильной клиентелой. Обладание собственностью стало реальной альтернативой публичной карьере в IV в., и это позволило фамилии превратиться в главную общественную ячейку, которая заместила прежние курии, возрастные классы и экзогамный патрилинейный род. Оппонентами фамильных «отцов» были успешные полководцы и сенаторы моложе 60 лет, многие из которых находились на положении подвластного сына (*filius familiae*). Однако их публичный статус позволял им в эпоху великих завоеваний приобрести большой политический вес и личную клиентелу.

Важная роль жрецов в рассматриваемой истории может служить основанием для предположения, что представление было написано по заданию коллегии понтификов. Понтифики играли ведущую роль в организации Секулярных игр, посвященных подземным богам *Dis Pater* и Прозерпине, вероятно, в связи с тем, что ушедшие поколения остались в ином мире. Принося в жертву черный скот каждые сто лет, римляне «хоронили» прошедший век (*saeculum*). Ритуалы имели целью обновление Рима после смерти ушедших поколений и возрождение римской общины для новых. Эта идея Секулярных игр позволяет считать ее прототипом истории пожертвовавших собой старейшин.

В настоящее время Т. П. Вайзман развивает мысль, что представление о римской истории формировалось в процессе коллективного творчества на Сценических играх, первые из которых проводились в 364 г.⁴¹ Создание примеров желательного поведения и помещение их в «эпоху предков» могло быть важным инструментом воспитания масс. Секулярные игры, организованные как ритуальный поворотный момент с целью обновить судьбу Рима, безусловно, оказывали сильное влияние на восприятие римлянами истории. Проблема, однако, в том, что нет прочной уверенности в достоверности традиции о ранних Секулярных играх. Без сомнения, они проводились Августом в 17 г. и, вероятно, в 146 г., однако уже игры 249 и 348 г. вызывают споры⁴².

Об играх IV в. и более ранних практически нет материала, поэтому наиболее допустима гипотеза Гарри Форсайта, что впервые они были организованы в честь подземных богов как продолжение *ludi scaenici* для того, чтобы оградить Рим от эпидемии 364–362 гг.⁴³ Эта дата недалеко отстоит от эпохи галльского нашествия, и было бы соблазнительно увидеть в сцене гибели римских старцев воспоминание о недавнем прошлом. Реформы Лициния–Секстия 367 г. могли побудить авторов представления связать оба события в метафорической форме, для которой хорошо подходила актуальная как раз в это время пословица о *sexagenarii*. Однако все это не выходит за пределы предположений.

Идея обновления была актуальной и в середине III в., когда после серьезного поражения у Дрепаны на Сицилии римское правительство стремилось изменить ситуацию в свою пользу. В это время к власти в Риме пришли новые политические силы, и среди них особенно важной была фигура первого плебейского великого понтифика Тиберия Корункания, занимавшего этот пост в 254–243 гг. Корунканий, возможно, правил понтификальную традицию о римском прошлом⁴⁴. Некоторые исследователи причисляют его к первым римским историкам, хотя результаты его предполагаемой работы неизвестны⁴⁵. Избранное тогда направление развития стало ведущим на три десятилетия, вплоть до крупных поражений 218 и 216 гг., кроме прочего стимулировавших создание *Истории* Фабия Пиктора. В этом историческом контексте

⁴¹ Wiseman T. P. Remus: A Roman Myth. L., 1995. P. 132–138.

⁴² См.: Nilsson M. P. Saeculares ludi // RE. 1920. Bd. 1 A. Sp. 1696–1720; Wagenvoort H. The Origin of the Ludi Saeculares // Studies in Roman Literature, Culture and Religion, Leiden 1956. P. 193–232; Weiss P. Die “Säkularspiele” der Republik – eine annalistische Fiktion? // MDAl(R). 1973. № 80. P. 205–218; Forsythe G. The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition. Lanham etc., 1994. P. 166–168.

⁴³ Forsythe G. Op. cit. P. 166–168, 402–403.

⁴⁴ Ср.: Ungern–Sternberg J. von. Überlegungen zur frühen römischen Überlieferung im Lichte der Oral-Tradition-Forschung // Vergangenheit in mündlicher Überlieferung. Colloquium Rauricum 1. Stuttgart 1988. S. 263–264.

⁴⁵ Nitzsh K. W. Die römische Annalistik. B., 1873. S. 237–242; Bauman R. A. Lawyers in Roman Republican Politics. A Study of the Roman Jurists in Their Political Setting, 316–82 B. C. München, 1983. P. 91–92, литература: note 174.

Секулярные игры 249 г. вполне подходили для пропаганды обновления ценностей и укрепления позиций плебейской части нобилитета.

Парадокс, однако, в том, что плебейские политики середины III в. были заинтересованы в укреплении фамилии, агнатического родства, собственности, *mos maiorum* и традиций в той же степени, что и их потомки с Катонем Старшим во главе столетием позже. И в этом случае с не меньшим основанием можно предполагать, что сюжет о самопожертвовании старейшин был использован для Секулярных игр 146 (149) г. Примечательно, что ни Полибий не пишет об истреблении галлами римских старейшин, ни Плавт не прошелся по поводу *sexagenarii*, что не совсем в его духе. Значит ли это, что данные сюжеты были ему не знакомы, то есть еще не были написаны? Ж.-П. Неродо считает, что комедиограф Аффраний в 120–100 гг. первым использовал пословицу о *sexagenarii* в комических сценах, а потом его идеи заимствовал и развил Варрон⁴⁶. Но Цицерон (*Pro Roscio*. 35, 100) говорил о сбрасывании с моста 60-летних как о *mos maiorum* уже в 80 г., то есть уже тогда это как будто считалось древним обычаем.

Среди версий о происхождении пословицы о *sexagenarii* первой Фест (450 L) передает объяснение некоего Манилия, согласно которому древнее население Рима имело обычаем ежегодно приносить в жертву *Dis Pater* 60-летнего мужчину. Жертвоприношения были прекращены с прибытием Геркулеса, а вместо них с моста в Тибр стали сбрасывать человеческую фигуру, сделанную из камыша, чтобы соблюсти древний обычай. Имя Манилия может служить датирующим признаком установления связи между *sexagenarii* и Аргейским обрядом. Хотя его часто связывают с сенатором 90-х гг., по предположению Паркина, это мог быть Маний Манилий, консул 149 г., бывший известным оратором и юристом⁴⁷. К тому же времени относится расцвет карьеры знаменитого анналиста Л. Кальпурния Пизона, консула 148 г. Как показал Форсайт, представления Пизона о раннеримской хронологии основывались на расчете периодов Секулярных игр⁴⁸. Возможно, игры были важны для него вследствие впечатления, полученного от празднования фестиваля 146 г., и эти личные ощущения нашли отражение в описании событий начала IV в. Хотя то же можно предположить и в отношении современника Пизона, другого анналиста Л. Кассия Гемины, стиль сочинения которого отличался интересом к антикварным деталям и вполне подходил для включения в него красочного эпизода гибели старейшин от мечей галлов⁴⁹.

Кассий Гемина и Кальпурний Пизон писали свои сочинения в 130–120-х гг. К тому же времени относится деятельность Великого понтифика П. Муция Сцеволы, с именем которого связывают создание или редакцию Великих Анналов. В эту же эпоху были введены мостки

⁴⁶ Néraudau J.-P. *Sexagenarii de ponte* // REL. 1978. № 56. P. 159–174.

⁴⁷ См.: Parkin T. G. Op. cit. P. 271.

⁴⁸ Forsythe G. Op. cit. P. 399–403.

⁴⁹ О Кассии Гемине, см.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н. э. М., 2005. С. 121–125.

в комициях для голосования⁵⁰. И тогда же писал свои комические представления Афраний, послужившие источником о *sexagenarii* для Варрона. Каждый из этих авторов так или иначе имел или мог иметь отношение к рассматриваемому сюжету о гибели римских старейшин. Можно предполагать, что этот сюжет, задуманный для представления на Секулярных играх, в разных формах обсуждался во второй половине II в. и тогда же был включен в историческую традицию о раннем Риме.

ALEXANDER V. KOPTEV (HELSINKI, FINNLAND)
THE MASSACRE OF OLD MEN BY GALLIC WARRIORS IN 390 B. C.:
THE ORIGINS OF HISTORICAL TRADITION

Three approaches to consider the killing of elders are examined in the article: a kind of voluntary self-sacrifice, glorification of the oldest age and a performance. Livy depicts the death of the old men as a ritual self-sacrifice with priests supervising the rite and a special formula of devotion. Therefore, the popular belief in the existence of the custom of senicide in the early Rome does not receive acknowledgement. The doomed old men belonged to the age bracket of over 60 years old. The proverb *sexagenarii de ponte* meant a permission for them to continue public life, rather than their murder. The prolongation of their public life was connected with the turning of *familia* to a basic social unit and, therefore, with the rise in status of *patres familiarum*, who mostly were old people.

The performance of the massacre of old men had presumably been composed for the Secular Games with a view to demonstrating their main idea – the renewal of the Roman society. The time of writing the performance – whether it was 362, 249 or 146 B. C. – remains uncertain. Cassius Hemina or Calpurnius Piso, perhaps, were responsible for the spread of this performance on the historical tradition in the late second century B. C.

⁵⁰ См. Néraudau J.-P. Op. cit. P. 170.